

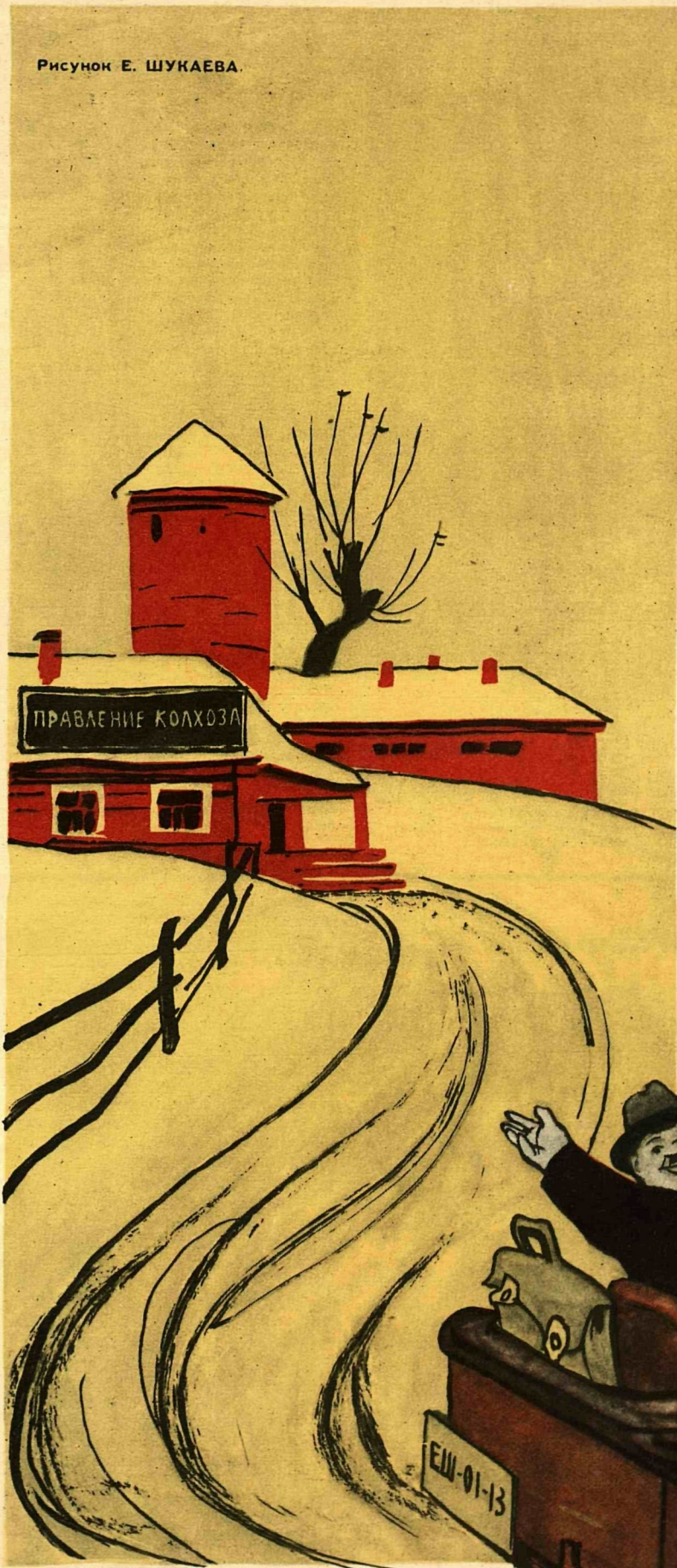
КРОКОДИЛ

№ 8 (1622)

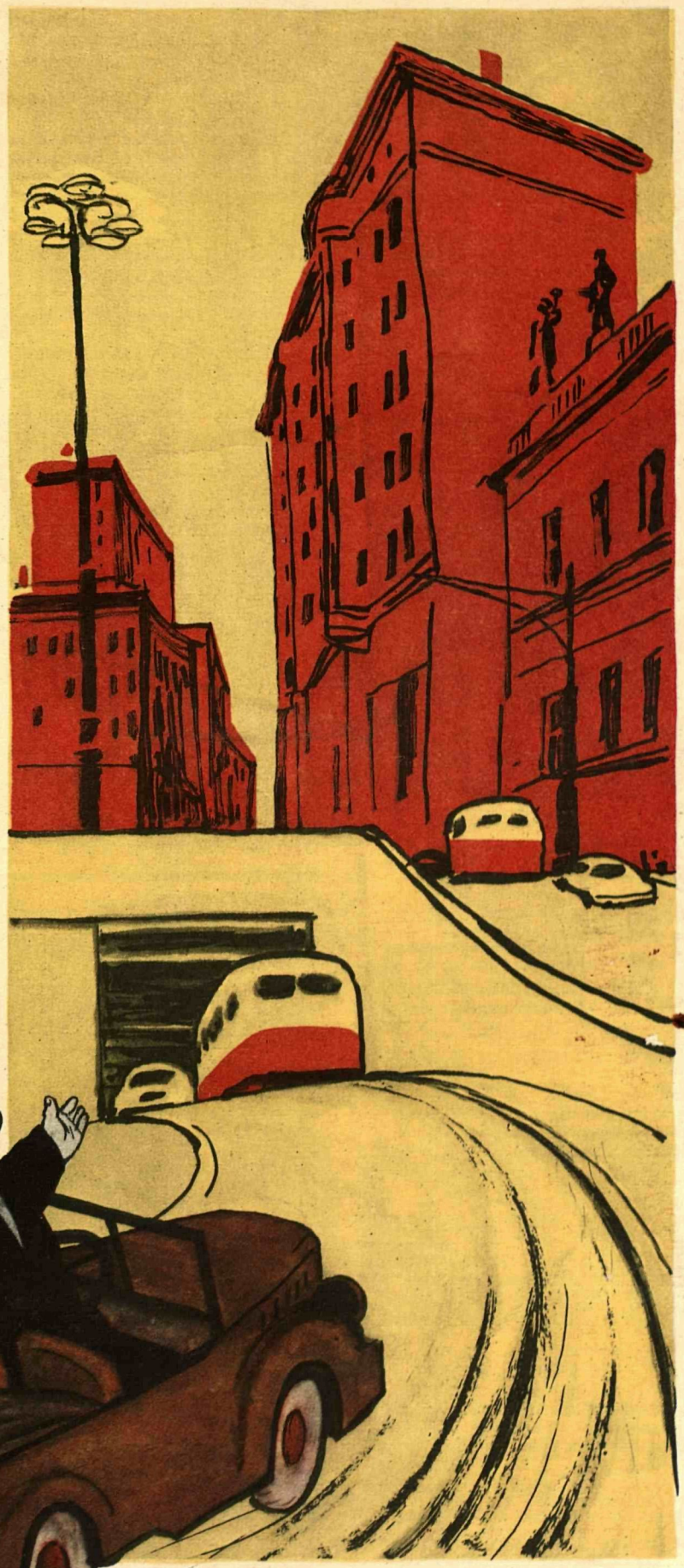
ГОД ИЗДАНИЯ 39-й

20 МАРТА 1961

Рисунок Е. ШУКАЕВА.

— Вот моя деревня...

— Вот мой дом родной...

ЖИЗНЬ НА КОЛЕСАХ,
или
ЕЖЕДНЕВНЫЕ МАРШРУТЫ НЕКОТОРЫХ РУКОВОДИТЕЛЕЙ КОЛХОЗОВ

Злободневные строки

Прихотился Лука
К заготовкам молока
И себе за счет коров
Сгрехал хату, будь здоров!

Почему заснул начальник,
Как убитый наповал!
Он у нескольких сельчанок
Самогон конфисковал.

В академии сидит
Академик-эрудит.
Он проблемой урожая
Из Москвы руководит.

Наш директор чуб чесал,
Но кормов не запасал,
А когда пришла зима,
Перешел на госкорма.

Что такое «тульский метод»?
Это — горе-маята,
Это — сбор древесных веток
Вместо сена для скота.

Сергей СМИРНОВ

* * *

Болтуны и краснобай
Говорят, что их колхоз
Снял большие урожаи
С незасеянных полос.

Лишь одну имел идею
Иждивенец Евстигней:
Сесть кому-нибудь на шею
И весь век сидеть на ней.

Подготовил институт
Глубоко научный труд
«О влиянье комаров
На мычание коров».

На работу взял завод
Пьяницу отпетого,
Вырезвляют круглый год
Тунеядца этого.

Птичка божия не знает
Ни волнений, ни забот:
Эту птичку выручает
Надувательский отчет.

Сергей ШВЕЦОВ

ТЕХНИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ... СУДАКАМ

Недавно к замерзшим берегам «Костромского моря» примчалась машина с надписью «Техническая помощь». На лед прыгнули солидные дяди и принялись давать какие-то указания. Дяди менее солидные начали сгружать ящики, пшени, стулья, лопы.

— Батюшки, уж не машина ли какая утонула! — ахнула бабка Матрена. — Сейчас спасать начнут!

— Никто не утонул, — успокоил бабку разминавшийся на льду директор Костромского завода железобетонных изделий Жолудев.

— Рыба, она не тонет, — доходчиво пояснил главный механик управления строительства совнархоза Фурс.

И началась подледная техпомощь судакам — рыбная ловля. Да, любят в Костроме служебный транспорт! Остановил, к примеру, милиционер «Скорую помощь» Заволжской поликлиники. Открыл дверцу, смотрит, а там компания целая, и все нуждаются в срочной помощи — помощи работников вырезвлятеля.

А начальник пятого управления специализированных работ Успенский преспокойно раскатывает на автомобиле с надписью «Аварийная». Раньше эта машина действительно служила для аварийных целей. На ней стоял центробежный насос для откачки воды из колодцев и траншей. Сейчас в порядке рационализации место насоса прочно занял тов. Успенский.

В Костроме у тов. Успенского уже есть последователи. Это директор городской электростанции Ступишин, директор фабрики «Знамя труда» Скворцов, начальник комбината «Костромалес» Зайцев и его главный инженер Сажин, заместитель начальника управления хлебопродуктов Захарова, главный инженер стройтреста совнархоза Фидлер и... Словом список длинный.

Надо полагать, что этим любителям кататься дадут в конце концов и «саночки возить».

Ю. ГРИБОВ

г. Кострома.

НЕ ВЕРЬ ГЛАЗАМ...

Получили на Тихвинском глиноземном заводе распоряжение из Госплана РСФСР и глазами своим не поверили: «Что за чертовщина! Уж не спим ли мы?» Нет! В распоряжении черным по белому написано: окончить строительство цеха белого электрокорунда и выдать по нарядам 16 тысяч тонн продукции в третьем и четвертом кварталах 1980 года. И дальше: материалы и оборудование для стройки будут поставлены вам в четвертом квартале 1980 года!

И окончательно доконали нас телеграммы заказчиков.

«...Почему не отгружаете готовую продукцию?»

Тут уж мы совсем опешили. Дорогой Крокодил! Объясни работникам Госплана, что нелегко отгружать шкуры неубитых медведей!

В. ТЕРЕХОВ,
начальник отдела снабжения Тихвинского глиноземного завода.

Рисунок Е. ГУРОВА.

Московская, Владимирская, Костромская, Тульская, Ярославская, Калининская и Смоленская области в прошлом году продали государству всего 12 миллионов пудов зерна, а получили от государства 58 миллионов пудов.

Сергей ШВЕЦОВ

— Даю!

— Беру!

МАЯКИ

ИЗЛИШКИ ЛЮБОЗНАТЕЛЬНОСТИ

Признаться, нам не очень удобно терпеть такую замшелую тему, как излишняя отчетность. Неудобно, а приходится. Заставляет чрезмерная любознательность товарищей из треста «Ватутинуголь» (Черкасской области). От директора Юрковской теплоэлектроцентрали тов. Добрынина они потребовали ответить всего лишь сотни на две вопросов и заполнить двенадцать таблиц с неисчислимой россыпью граф и пунктов.

Трестовских исследователей обуревают желание узнать, сколько инженеров побывало на экскурсии, сколько часов проводят их ребята в детских садах и т. д. и т. п.

И, наконец, у тов. Добрынина не очень деликатно спрашивают, сколько человек он собирается выдвинуть на должность директора, то есть на свою собственную. В приложении № 10 — «Сменяемость руководящих и инженерно-технических работников» — авторы вопроса домогаются, сколько человек «выдвинуто на больший объем (!) работы» или «выбыло на учебу», сколько уволено.

Одного только не спрашивают досужие анкетчики: кого именно следует наказывать за пристрастие к ненужной писанине?

Б. РОМАНОВ

Железные сроки

Каждую осень после уборки урожая с узбекскими хлопкоробами происходит чудо в духе старинных восточных сказок. Из передовиков-механизаторов они вдруг превращаются в самых отсталых, чуть ли не первобытных земледельцев. С помощью машин колхозники и сеют, и возделывают, и убирают хлопок. Но вот для очистки оросительной сети от наносов и трав в руках у них нет ничего, кроме мо-

Даже южное солнце не в состоянии скрасить безрадостное впечатление от новой сельскохозяйственной техники, ржавеющей на товарной площадке станции Кюрдамир (Азербайджанская ССР).

тыг-кетменей той самой модели, что лет семьсот назад была одобрена БРИЗОМ, заседавшим при дворе Тамерлана.

Давно пора бы отнестись к кетменю при очистке арыков. Но нет нужных механизмов. Они еще не созданы, хотя в Ташкенте и существует специальное конструкторское бюро по ирригации.

Появилось оно на свет три года назад, и тогда же главный инженер бюро П. Грибанов был вызван в совнархоз к главному машиностроительному начальнику Ш. Ходжаеву.

— Действуйте! Арыки ждут. Навсегда покончим с кетменем! — сказал начальник, сверкнув очами.

— Но как же нам действовать, когда совнархоз не дал ни помещения, ни людей, ни экспериментального цеха?

— Мы дали вам больше: наше решение, твердое задание, железные сроки, — напомнил Ходжаев.

Не удивительно, что эти «железные» сроки оказались резиновыми.

Спустя год в совнархозе наконец сообразили, что конструкторы и в самом деле не могут работать без производственных площадей. Надо же где-то создавать опытные образцы, вести эксперименты! Из совнархоза поступила новая директива:

— Пусть бюро развернется на площадях завода «Таширмаш»!

Но на этом заводе и так тесно.

— Обязать завод открыть у себя цех по выпуску опытных ирригационных машин!

Но не дают на этот цех ни денег, ни оборудования.

— Поручить заводу выполнять все нужные для бюро работы!

Но ни одну из таких работ не включают в заводскую программу.

В общем, такая детская игра в «слушали-постановили».

Уж не заседают ли в совнархозе Узбекистана люди, названные Салтыковым-Щедриным государственными младенцами? Кстати, названы они так в сатире «Господа ташкентцы».

Некоторые сходство, несомненно, имеют. По свидетельству Михаила Евграфовича, государственный младенец «совсем не живет и не действует в реальном значении этих слов, а все около чего-то вертится...»

— Мы начали строить для всех конструкторских бюро великолепный инженерный корпус, — горделиво похваляются в совнархозе. — Хватит там места и для ирригаторов!

Но обещанного придется ждать еще три года: корпус будет построен к 1964 году. А в бюро по ирригации сегодня, сейчас лежат и покрываются пылью рулоны готовых чертежей. Это эскизы машин, которые должны избавить сотни тысяч колхозников от кетменя.

А нельзя ли все-таки, товарищи, решать важную государственную проблему как-то более взрослому?

Евгений ШАТРОВ,
специальный корреспондент
Крокодила

г. Ташкент.

ВОПРОСЫ, ВОПРОСЫ... А ЗАЧЕМ? ♦ КЮРДАМИРСКИЙ НАТЮРМОРТ ♦ ПОЧЕМУ КЕТМЕНЬ НЕ В МУЗЕЕ?

Хождение за кошельком

НЕСКОЛЬКО аккуратных хрустящих бумажек и горка мелочи. Это первая пенсия, которую Пал Палыч получает новыми деньгами. Пал Палыч прячет бумажки в карман и хочет туда же ссыпать монетки, но вдруг останавливается: теперь это уже не «мелочь».

Пал Палыч вынимает из футляра очки и помещает туда новенькие гривенники и копейки.

«Придется раскошелиться на кошелек,— решает пенсионер.— С новыми деньгами надо обращаться поделикатнее».

ПОИСКИ НАЧАТЫ

Галантерейный магазин на улице Горького. Сквозь плотную, как джунглевые заросли, толпу Пал Палыч пробивается к прилавку. Люди покупают футляры к ключам, обложки для паспортов и удостоверений. Какая-то женщина укладывает деньги в только что купленную целлулоидовую мыльницу. Среди людей, жаждущих приобрести хоть какое-нибудь приспособление для хранения денег, идет живой обмен опытом. Пожилой мужчина показывает кошелек собственной конструкции. Это старая кожаная перчатка. В отделениях для пальцев хранятся монеты разного достоинства, выше — бумажные купюры. Удобно!

...Несколько энергичных движений локтями — и Пал Палыч оказывается на улице. Он идет во второй магазин, третий, четвертый... Кошельков нет.

И вдруг, о радость! Он видит людей с новенькими кошелками в руках. Длинная очередь яростно атакует дверь с пугающей надписью: «Высокое напряжение, опасно для жизни!». У этой двери за маленьким столиком идет торговля. Администрация предусмотрительна: во избежание разгрома магазина она вынесла продажу кошелев сюда, под арку дома. Надпись на двери полностью соответствует создавшейся обстановке: напряжение в очереди растет, давление усиливается.

Ринуться в эту толпу Пал Палыч не решает. Он не мастер спорта, это не для него. Да к тому же продавщица, исчерпав свои небогатые товарные запасы, громогласно объявляет:

— Кошельков больше нет. Расходитесь, граждане!
И граждане расходятся.

ПО ГОРЯЧИМ СЛЕДАМ

Утро следующего дня. Пал Палыч в управлении кожаной и обувной промышленности Мосгорсовнархоза. Здесь сидят сведущие люди. Пусть скажут, как напасть на след кошелев. Главный инженер Т. Л. Ипатьева охотно дает необходимые разъяснения:

— Мы делаем все возможное, чтобы насытить рынок и ликвидировать кошелечное голодание. Наша единственная фабрика кожаных изделий буквально лезет из кожи вон: в первом квартале даст шестьсот тысяч кошелев вместо трехсот тысяч по плану. А к концу года...

— Но неужели вы думаете, что такое количество удовлетворит Большую Москву? — робко спрашивает Пал Палыч.

— Этого я сказать не могу. Если вас так остро волнует кошелековая проблема, сходите в Министерство торговли,— советует главный инженер.— Они торгуют, с них и спрос.

Пал Палыч последовал этому совету и встретился с начальником отдела «Росгалантереи» С. Е. Сарухановым. Оказалось, что ему не впервой освещать кошелековую проблему. Он в курсе дела.

И на Пал Палыча обрушивается водопад цифр. Они грандиозны: в 1961 году на рынок будет выброшено 9 560 тысяч кошелев, по одному на каждые 13 жителей Российской Федерации. В воображении Пал Палыча эти цифры превращаются в груды кошелев и портмоне. Груды вырастают в целые Эльбрусы и Казбеки. Разнообразнейшие кошелев, элегантные портмоне, бумажники из замши, полиэтилена и нейлона... На все вкусы, на все возрасты, на все случаи жизни.

Однако С. Е. Саруханов произносит магическое «но», и волшебное видение исчезает.

— Торговать нам почти нечем,— говорит он.— Только в январе Ленинградский, Московский областной, Челябинский, Башкирский, Курский, Калининский совнархозы недопоставили торгующим организациям 70 тысяч кошелев. Предприятия местной промышленности Хабаровского, Приморского, Красноярского краев, Тамбовской, Брянской, Орловской и некоторых других областей должны были уже в январе дать 116 тысяч кошелев, но фактически выпускать их еще не начали.

— Почему?

— Кошелек — это кожа или ее заменитель и фурнитура. А на большинстве предприятий местной промышленности сырьем еще и не пахнет. Тульский завод замочно-скобяных изделий и московский завод «Спайка» не дают фурнитуру, потому что,— тут С. Е. Саруханов набирает побольше воздуха,— «Росглавцветметсбытсырье» собирается дать металл этим заводам лишь во втором квартале. Из чего же делать замки для кошелев? Из глины лепить?

Эта печальная повесть действует на Пал Палыча угнетающе. Но собеседник подбадривает его:

— Конечно, резервы у нас есть. Уж если вы такой энтузиаст, сходите на производство, посмотрите сами...

И Пал Палыч, решив распутать клубок до конца, направляет свои стопы туда, где рождаются желанные кошелев.

ХОЛОДНЫМ МЕТОДОМ

— Раньше мы шили дамские сумки.— Это первые слова, которые слышит неутомимый Пал Палыч на кожгалантерейной фабрике № 15.— А кошелек не сумка, к нему тонкий, галантерейный подход нужен.

Но такого подхода Пал Палыч как раз и не заметил. Здесь кромсают кожу сапожными ножами и ножницами, а потом сшивают иглами. Точно так же, наверное, выглядел производственный процесс при Иване Калите.

Пал Палыч открывает рот, чтобы произнести свое обычное «почему», но не успевает. На него со всех сторон сыплются жалобы:

— Завод художественной гравюры не дает замков!

— Кнопок нет!

— «Молнии» годны для лыжных курток, а специальных, типа «гном», не имеем.

— Разве это материал? Это же настоящая «чертова» кожа, ее не то что игла, а и пуля не прошибет!

— Работница за день делает кошелек с четвертью... Это же курам на смех!

«Да,— думает ошеломленный Пал Палыч,— действительно, кошелек — это не сумка!»

На заводе «Спайка» Мосгорисполкома он слышит такие же нерадостные разговоры.

— Мы, как в известном романе, живем взаимы,— говорит Пал Палычу главный инженер завода М. М. Матвеева.— Управление снабжения Мосгорисполкома одолжило нам 900 килограммов латунной ленты. А поставщик — Кировский завод по обработке цветных металлов — помалкивает. Горьковская «Красная Этна» вместо того, чтобы дать черные металлы, держит нас в черном теле. Боюсь, что руководители заводов-поставщиков просто разучились читать: вместо «с правом досрочной доставки» на наших нарядах им видится «с правом бессрочной проволочки...»

Печальный вернулся Пал Палыч домой. Порылся в комод, нашел большую английскую булавку и зашил ей внутренний карман пиджака, в котором у него лежали новые деньги.

Он понял, что кошелек ему купить не удастся.

В хождении за кошелеком Пал Палыча сопровождали студенты факультета журналистики МГУ Ф. Бурнаков, А. Казюков, А. Крылов, И. Калашников, К. Ляско, Б. Малимонов, Н. Нардин, Н. Ухин, Э. Эдель.

ПЕСНЯ

ЛЮБВИ

Редакция журнала «Сельское хозяйство Киргизии» (орган Министерства сельского хозяйства Киргизской ССР) в своих последних номерах проявила повышенный интерес к сенсациям. Под рубрикой «Полезно, интересно» в № 12 журнал поведал, что «лопух является ценным масличным растением».

Вот тебе и лопух! А многие считали и до сих пор считают его типичным сорняком!

Журнал решительно опроверг известную поговорку «Нем, как рыба». Оказывается, «самка карпа исполняет, правда, очень тихо, «песню любви». На эту песню отзываются карпы-самцы...»

Далее журнал делает поразительное открытие. Он сообщает, что «вшедшая в поговорку прожорливость саранчи приводит к тому, что некоторые из этих насекомых едят... сами себя».

Редакция не скучится на описание подробностей процесса самоуничтожения. В результате становится ясно, что борьба с саранчой — никчемное занятие.

«Нечувствительные к физической боли,— сообщает журнал,— они (насекомые.— Прим. ред.) начинают сжирать свои передние лапы, потом нижнюю часть тела. Опыты показали, что на такой необычный шаг саранчу толкает отнюдь не чувство голода. Просто собственное тело кажется насекомым самой вкусной пищей из всех существующих. Начав поглощать свои лапы, саранча настолько «входит во вкус», что не может остановиться, пока не сожрет себя полностью» (!!).

Была саранча — и нет саранчи. А все-таки интересно, как это она ухитряется съесть свою собственную голову?

Много увлекательных сведений сообщается и в другом номере. К примеру, лошади «спят стоя лучше, чем лежат», «самая большая птица в Европе — лебедь» и, наконец, на читателя обрушивается новое открытие:

«У комаров есть зубы. Под микроскопом у них во рту отчетливо видно 22 зуба...»

Право, отдел «Полезно, интересно» точнее было бы называть «Всеплезно и никчемно».

Из газеты «Советская Киргизия»

В какой мере достоверны все эти необычайные сведения, нам, откровенно говоря, неясно. Зато совершенно ясно, что проблемы комариных зубов и лопухов не являются для сельского хозяйства Киргизии первоочередными.

Кинопередышка.

Под этим заголовком в журналах обычно печатаются прелюбопытные сведения о том, например, каков рекорд по прыжкам в длину среди австралийских кенгуру или сколько яиц может снести самка канаду при высококалорийном питании. Крокодил не располагает столь оригинальной информацией, но тем не менее тоже решил завести подобную рубрику.

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ,

что в городе Белгороде слово «общежитие» толкуют совсем не так, как во всех словарях русского языка от Даля до Ожегова? Причем трансформация этого слова произошла не в порядке языковой эволюции, а в результате административно-хозяйственного трюка.

— А неплохо бы,— размечтались как-то в Белгородском совнархозе,— выстроить еще одно административное здание... Пальмы, ковры, а у входа швейцар с казачками лампасами.

Но затея эта не получила одобрения. Вышестоящие инстанции решили, что город больше нуждается в жилье, чем в служебных кабинетах, оборудованных на экзотический лад.

Тогда-то в совнархозе и решили переосмыслить слово общежитие».

На улице Красина выросло че-

тырехэтажное здание. Если верить скромной табличке у входа, это было общежитие. Так оно и числится по сей день во всех документах. Оно даже составило изрядную часть городского плана по строительству жилья. Но как только была уложена последняя плитка паркета, в здание въехали отделы и управления совнархоза. Спальни общежития огласились веселым щебетанием арифмометров, а в кухнях запыхали яростные споры о нарядах и поставках.

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ,

во сколько обошелся Белгороду каждый не добранный А. А. Величко балл при поступлении в Харьковский политехнический институт?

Каждый не добранный на вступительных экзаменах балл (А. А. Величко набрал 17 баллов вместо нужных 21) обошелся городу в 15 ванн, множество газовых плит, радиаторов отопления, 200 квадратных метров стекла — всего на 320 тысяч рублей старыми деньгами.

Знаете ли вы?

Все эти материалы были переданы институту Белгородским совнархозом. Такая щедрость весьма удумила тех, кто знал, что в самом Белгороде дома не вводятся в строй именно из-за отсутствия таких материалов.

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ,

как проще всего перевыполнить план? Можно, конечно, работать не покладая рук, внедрять передовые методы труда и т. д. Но иные люди в Белгороде считают, что это совсем не обязательно. Куда проще занизить план, скрыв от государства истинную производственную мощность завода.

Именно так и поступил с помощью совнархоза директор Белгородского цементного завода тов. Величко, тот самый, чей сын вплыл в Харьковский политехнический институт со своими четырьмя недостающими баллами на 60 ваннах.

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ,

кто герой всех этих подвигов? Не будем делать из этого тайны.

Предадим гласности его имя, и пусть он сам раздает автографы почитателям своего таланта. Представляем вам Бориса Афанасьевича Ивлиева — председателя Белгородского совнархоза. Именно ему принадлежит честь открытия нового значения слова «общежитие».

И уж, конечно, никто не осмелится оспаривать у Бориса Афанасьевича Ивлиева лавры благодетеля Харьковского политехнического института. Ведь сын директора цементного завода А. А. Величко — это его племянник. А там, где племянник, естественно, должен быть и свояк. Младшему — ванны, старшему — заниженные планы. Возлюбленному свояку своему — директору цементного завода тов. Величко — Борис Афанасьевич Ивлиев помог обмануть государство и занизить на 200 с лишком тысяч тонн годовой план завода.

Как видит читатель, под привычной журнальной рубрикой иногда можно прочесть сообщения куда более разительные, чем информация о семейной жизни попугая-какаду или спортивных рекордах кенгуру, резвящихся на степных просторах Австралии.

В. ТИТОВ, З. ЮРЬЕВ,
спецкорреспонденты Крокодила
г. Белгород.

КРОКОДИЛ СЛУШАЕТ И ЗАПОМИНАЕТ...

Заочная конференция наших читателей

Через каждые десять дней Крокодил встречается со своими читателями. Но эти встречи происходят довольно однообразно: авторы Крокодила пописывают, читатели почитывают. Но данная встреча была необычной: говорили читатели, а Крокодил только слушал, записывал и делал выводы.

Короче говоря, он выслушивал ответы своих читателей на обращение, опубликованное в последнем номере журнала за 1960 год. Подписчики Крокодила высказывались о том, что им запомнилось и понравилось в тридцати шести номерах журнала, что не удовлетворило, какие есть у них пожелания.

Так началась эта заочная читательская конференция...

Первым крокодильская почта доставила письмо супружеской четы из далекого Самарканда:

«Дорогой Крокодил! Я преподавательница, мой муж — врач, живем мы в городе Самарканде. Нам очень понравилось, что в твоём юмористическом журнале много и серьезных тем.

Нам понравилась, например, серия рассказов и фельетонов на тему «Кто не работает, а ест».

С уважением к тебе и твоему труду.

БАЙДАЛОВЫ».

Письмо из Ленинградской области не имело точного обратного адреса, но тем не менее оно привлекло внимание Крокодила:

«Уважаемая редакция! Очень меня порадовала «Радость» белорусского писателя Михаса Пенкраты. Да, к сожалению, бывает иногда так: появляются у сыновей свои семьи, и они сразу забывают своих старых родителей, не помогают им.

Каждая заметка у вас должна точно попадать в цель. Без критики жить — значит плодить паразитов.

СТАРАЯ МАТЬ».

Писем было так много, что Крокодил позвал себе в помощь самого молодого и быстрого сотрудника журнала. Тот сказал:

— Приведя в действие электронную машину, я произвел мгновенный подсчет читательских голосов и определил материалы, которые больше всего пришлись по душе читателям.

— Какие же?

— На первом месте идет рубрика «О тех, кто не работает, а ест».

— Очень рад!

— Затем «Крокодильская телепередача»,

литературные пародии Сергея Смирнова, рассказ С. Шатрова «Выходной день принципиального человека», фельетон-рейд «Дело о разбитой витрине и испуганной Нимфе», туристский номер, памфлет Льва Славина «Грохочущее ничтожество», газета-пародия «Мейли Емейл», международное обозрение «Вокруг света и тьмы», фельетоны Ю. Алексеева «Папенькин сынок», В. Титова «Желтая кошка» и многие рисунки Ю. Ганфа, Кукрыниксов, М. Черемных, И. Семенова, А. Каневского, Е. Ведерникова, В. Горяева, Е. Шеглова и других крокодильских художников.

— Ну, что ж,— довольно сказал Крокодил,— мне остается только поздравить их всех. А что за письма в этих папках?

— Здесь,— бодро отвечивал сотрудник,— дружеская критика читателя, его советы и предложения. Так что завязывай, уважаемый Крокодил, узелки на память.

УЗЕЛКИ «НА ПАМЯТЬ»

— Да, «узелков» будет довольно много,— продолжал сотрудник.— Читательница А. Дейкархановой из Москвы, С. Яковлеву из Краснодарского края и анонимному автору, который подписался только так: «Живу в г. Горьком»,— ты, Крокодил, что-то вообще не нравишься. Не находят они твои рассказы и фельетоны ни острыми, ни смешными. А вот в этих письмах есть и конкретная критика, прочту их:

«Скажу про фельетоны на международную тему. Частенько они грешат сухим языком, юмор в них совершенно отсутствует, а ведь «Крокодил» — юмористический журнал.

А. БИРЮКОВ.

г. Новосибирск».

«Я досаую на появление в крокодильских рассказах, фельетонах и даже стихах канцелярских оборотов, псевдонародных словечек, напыщенных фраз.

А. ГОРНОВОЙ.

г. Москва».

«А мне не нравится то, что в баснях и даже фельетонах авторы Крокодила до сих пор все еще отыгрываются на зверях и зверюшках. Тут козлы и бараны, петухи и верблюды, тобики и полканы. Не пора ли подумать авторам о создании более свежих и интересных сатирических образов?»

Н. ЧАЙКИН.

Горьковская область».

— Очень дельные замечания,— задумчиво промолвил Крокодил,— к ним нельзя не прислушаться. А чего еще требуют от меня читатели?

СОВЕТЫ ДРУЗЕЙ

— А дальше идут советы,— сказал добровольный помощник Крокодила.— Читай и запоминай.

И положил перед Крокодилом сразу несколько писем. Вот что в них говорилось:

Е. АРТЕМЬЕВА из Вологодской области: «Уважаемый Крокодил! Постоянным твоим читателем я являюсь свыше двадцати лет. И вот на правах старого друга хочу сказать: все еще мало внимания уделяется в журнале вопросам сельского хозяйства. Следи за тем, как будут выполняться взятые районами и областями новые обязательства, как пройдет весенний сев».

П. ТУРБИН из г. Горького: «Я хочу посоветовать: заинтересуйся, Крокодил, тем, как работают с письмами и жалобами трудящихся в наших учреждениях».

А. ГОВОРУССКИЙ из г. Перми: «Хочется в вашем журнале видеть побольше произведений из сатирических журналов союзных республик и зарубежных социалистических стран. почаще приглашайте их в гости!»

М. ЛЫСАКОВСКАЯ из г. Енисейска: «Чаще выступайте против сектанства. Я считаю, что это очень важный вопрос».

Н. ШУЛЯЕВ из Харьковской области: «В № 3 за 1960 год ты поместил фельетон об отсутствии запасных частей ко всяким видам бытовых машин. Положение и сейчас не улучшилось. Кольни-ка вилами еще раз!»

З. НИКИТИНА из г. Москвы: «Помню, ты проводил рейд по использованию жилья на Юго-Западе Москвы. Так вот, все осталось по-прежнему. Покажи-ка снова нерадивых жильцов, которые не берегут народное добро!».

Естественно, что за один присест Крокодил не мог разобраться во всех читательских письмах. Но и тех, которые он успел прочесть, оказалось достаточно, чтобы Крокодил пришел в бодрое и боевое состояние.

— Свистать всех наверх! — скомандовал он своему расторопному помощнику.

И когда все авторы журнала собрались вместе, Крокодил дал им задание немедленно приступить к выполнению высказанных на заочной конференции советов и пожеланий.

А как они это сделают, опять-таки судить читателю...

Часто специалисты совхозов бывают заняты канцелярской работой, а в поле и на фермах их не видят.

Рисунок М. СОКОЛОВА.

— Познакомьтесь, это наши специалисты!..

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА.

— В вопросах сельского хозяйства у меня котелок варит!

Малый у Большого.

А. МАЛИН

Обманувший королеву

Не зря весна слывет порою
Горячих чувств и пылких слов:
Горел, кипел, бурлил весною
Семен Петрович Пустослов.
И всем — направо и налево —
Он сообщал:

— Хоть я и стар,
Полей колхозных королева
В моей душе зажгла пожар!..
Хватало жару в разговорах.
Однако, лишь дошло до дел,
Семен Петрович очень скоро
К своей любимой охладел.
Ишь навязалась! Вот обуза!
Еще ухаживай за ней!..

И чахнет, сохнет кукуруза
Вся, от метелки до корней,—
Ни на зерно и ни на силос...
Семена кличут (тон суров!):
— Что с кукурузой случилось
У вас, товарищ Пустослов!
Руками машет он — куда там!
Твердит он пять минут подряд:
— Она, она тут виновата!
А я ни в чем не виноват!..
Их отношения разобрали,
Сказав: «Душою не кривил!»,
И Пустослову «записали»
...За легкомысленность в любви.
г. Симферополь.

НОВОПРАСОЛЫ

Румян, плечист, причесан гладко,
Михал Андреич за тетрадкой
В рубашке розовой сидел,
На цифры барышей глядел.
И улыбался...

Да простит нас Иван Саввич Никитин за то, что мы, желая дать портрет современного прасола, воспользовались его стихами. Советские писатели в своих произведениях, как правило, об этом забытом племени не упоминают, а поэтому мы вынуждены были обратиться к поэме, написанной сто лет назад, заменив только имя и отчество главного героя.

— Если вы имели в виду меня,— воскликнет Михаил Андреевич Сипач, секретарь Вороновского райкома партии Белоруссии,— тогда это чистойшей клеветы. Даже ваш представитель может подтвердить, что розовой рубашки я не ношу.

Против истины ничего не скажешь. Что верно, то верно: Михаил Андреевич не носит розовой рубашки.

— Ни на какие цифры барышей я не глядел и не мог глядеть. Все это досужие выдумки... Вот если бы про меня срифмовали, что сидел «на цифры сводок глядел»,— тогда другое дело. Что было, то было...

Неужели, слепо доверившись И. С. Никитину, мы и в самом деле перехватили через край?..

Нет! В том-то и заваyka, что радужные цифры в сводке сулили Сипачу большие моральные выгоды: место на доске почета, лавровый венок, похвалу областного начальства: «Сипач молодец! Он все может! Он все вытянет!».

Ничего, что этот венок славы обошелся государству слишком дорого.

Когда-нибудь историки заинтересуются, как могло случиться, что в наши дни вновь ожило вымершее племя прасолов и барышников. В помощь авторам будущих диссертаций можем рассказать, как М. А. Сипач стал новопрасолом. История любопытная и поучительная.

Приехал как-то секретарь райкома в колхоз имени Кирова. Председатель артели Капустин коротко отрапортовал:

— Все в полном порядке... План выполняем. И даже пере...

— А где твой скот, Василий Дмитриевич? — любопытствовал Сипач.

— На прикарманном содержании... — И, не дав секретарю опомниться, Капустин вынул из кармана пухлую пачку квитанций.

Новая форма содержания скота заинтересовала секретаря. Действительно, самим выращивать скот — дело муторное, долгое. Куда проще купить на базаре и продать государству. Мясо — что с рынка, что с фермы — по своей калорийности одинаковое. Остановка за деньгами. Будут деньги — будет скот.

— Вы бы поднажали на госбанк, чтобы кредитовали нас смелее. Два плана запросто дали бы! — сказал Капустин.

ЯНУС РАЙОННО

ВСЕ ЗНАЮТ, что Янус от других богов отличался двуликостью. Легенды повествуют, что один его лик был миротворческим, светлым, а другой — злым, темным.

Прямо скажем, что Максим Яковлевич Кривонос родственных связей с богом Янусом не имеет: он ему ни брат, ни сват. Но им обоим равно свойственна двуликость.

Максим Яковлевич — руководящая личность на фронте здравоохранения. Заведующая отделом здравоохранения Новосибирского горисполкома Нина Владимировна Чепурная души в нем не чаяла.

— Ах, какой он организатор — в руках все горит!

Не менее лестные отзывы заслужил он и у руководителей Кировского райисполкома:

— Напорист! Энергичен!

О его разворотливости слагают легенды. Одну из них могут рассказать врачи родильного дома № 5 и больницы № 15:

«На свет вот-вот появится новый человек. Из родильного дома № 5 на помощь роженице на ковре-самолете, то бишь на «Победе», мчится врач. Собственно, мчится он лишь по отчетным данным. За родильным домом числятся две легковые

машины: одна новая, на полном ходу, и другая старая, которая чихает на каждом шагу. На ней-то и «мчатся» врачи к роженице. Мчатся по поговорке «Десять час — девятую версту». Ну, а новая машина где? Конечно, у Максима Яковлевича Кривоноса...»

Конец легенды прозаичен: «Надоела Максиму Яковлевичу роддомовская «Победа». Передал он ее в дар врачам больницы № 15. Облаготельствовал их! А за «Победу» взял «ЗИЛ». Несколько участковых врачей ходят теперь к больным пешочком».

«ЗИЛ» больше подходит Максиму Яковлевичу Кривоносу. Кривонос заведует отделом здравоохранения Кировского райисполкома. В его ведомстве десятки лечебных учреждений.

— По ним и езжу,— говорит он приближенным.

А те скептически улыбаются. Да и как не улыбаться: «ЗИЛ» больше всего останавливается у восьмой амбулатории.

По профессии М. Я. Кривонос — врач-рентгенолог. Как врач, он и решил облаготельствовать восьмую амбулаторию. До недавнего времени в регистратуре красовалось объявление

В воображении Сипача возникли картины, одна другой заманчивее. Это в старое время говорили, что без труда не вынешь рыбку из пруда. А вот он, Сипач, докажет, что без особых усилий перевыполнит годовой план продажи мяса государству в два раза. И даже утрет нос другим районам!..

Когда через несколько дней Сипача вызвали в область для очередной накачки, он, честно признавшись, что с мясом дела идут туго, тут же заметил:

— Финансы режут.

— А если поможем?

— Подбросьте денюжку, — за нами дело не станет. Подбросим в сводку и мясо.

Область не поскупилась на финансы. И как по мановению волшебной палочки — с помощью нового прикарманного содержания скота, — отстающие колхозы района превратились в передовые... конторы по скупке и продаже коров.

Районная сводка набухала цифирью. Авторитет Сипача рос на глазах у всей области. Новопрасол ликовал...

Операция принимала все более широкий размах. Стало ясно, что только своими силами не справиться.

И тут на помощь новопрасолам пришли новомаклаки. Одно вымершее племя, неожиданно воскреснув, вызвало к жизни другое, давно забытое племя самых что ни на есть прожженных плутов. Люди без определенных занятий и люди весьма определенных сомнительных занятий, они были сами махнули на себя рукой и считали, что их песенка спета. И вдруг оказалось, что они нужны, да еще как нужны!

Не в пример маклакам прошлого века новомаклаки не спали под телегами. Они разъезжали по городам на лимузинах и останавливались только в номерах «люкс», а после трудов праведных подкреплялись семгой, коньяком и прочим, что милостивый бог послал. Они гнали из районов Литвы через Вороново на мясокомбинат гурты коров.

Почем они платили за центнер, хотите знать? Не будьте так любопытны. Новопрасол не скупился на деньги. Новомаклаки получали наличными по полмиллиона рублей. Сотней тысяч дороже или дешевле — какое это имеет значение! Они отчитывались квитанциями, которые никто никогда не проверял.

Маклак умело ворочал деньгами. Он и себя не забывал и о других помнил. Он действовал наверняка, щедро одаривая казенными деньгами нужных людей. Обильно смазанная лишней сотней рука приемщика на заготовке или на мясокомбинате охотно подписывала любую справку, и тощая и захудалая буренка на бумаге превращалась в сверхупитанного слонopodobного гиганта. Подобные манипуляции маклак совершал безбрежно и безбоязненно: ведь никому не приходило в голову проверить его.

Да и зачем утруждать себя проверкой, когда Сипачу важнее всего было количество мяса, закупленного маклаками невесть где и у кого. А то, что маклаки братья Савицкас, Семашко, Носевич «заработали» на этих аферах особняки, деревянные и каменные, приобрели семейные лимузины, — это такие мелочи, на которые не стоило обращать и внимания.

Областная сводка, рапорт начальству — вот что маячило все время перед глазами Сипача. Чуть ли не три тысячи коров за семь месяцев перекочевало из литовских деревень в районную сводку, а оттуда в областную.

ЗАРАБОТАЛИ НА КОРОВАХ...

...заготовитель Савицкас — дом, а Курланд — автомашину.

Одним махом Сипач дал два годовых плана!

Сипач ходил героем. Не хватало только, чтоб его на руках носили. Но, добившись славы, новопрасол не забыл того, кому обязан был своим молниеносным взлетом. Нет, его нельзя упрекнуть в неблагодарности. Когда Капустина, инициатора прикарманно-квитанционного метода выращивания скота, колхозники артели имени Кирова выдворили из колхоза, Сипач не оставил его в беде: он повез Капустина в другой колхоз — «Родина».

Колхозники решительно протестовали против этой кандидатуры. А Капустин все же стал председателем: ведь за него голосовал Сипач!

После этого Сипач окончательно уверовал в свою непогрешимость и силу. Уверовал не без оснований.

Когда районная газета неосмотрительно и легкомысленно вздумала по критиковать председателей колхозов, удостоенных почестей за несуществовавшие успехи, редактора тут же вызвали ко второму секретарю обкома тов. Никуловичу.

— Нехорошо получается, товарищ редактор, — наставительно заметило начальство, — люди работают, стараются, а вы... Критиковать их вздумали? Видать, не досрли вы до понимания стоящих перед нами задач.

Нечего говорить, что из обкома редактор районной газеты вышел просветленный. Ему многое стало ясно...

Ему стало ясно, что у некоторых товарищей из Гродненской области прасолы и маклаки в большом почете.

А. ГОЛУБ,
спец. корр. Крокодила

Вороново, Белоруссия.

ГО МАСШТАБА

ние. В нем черным по белому было написано, что врач-рентгенолог М. Я. Кривонос принимает по понедельникам и вторникам, средам и четвергам, пятницам и субботам. Каждый день по четыре-пять часов.

Больные верили объявлению. Шли на прием во все дни, кроме воскресенья. Приходил, скажем, человек во вторник и спрашивал:

— Кривонос принимает?

— Нет! — отвечали в регистратуре.

— А в объявлении указан приемный день.

— Так это в объявлении... — следовал равнодушный ответ.

Но не только в объявлении, а и в табеле для оплаты труда М. Я. Кривоноса перечисляли все дни недели, кроме воскресенья. Аккуратно проставлялись и приемные часы. Подписывали табеля заведующая восьмой амбулаторией Кузнецова и старшая медсестра Щепкина. Сведущие люди иногда их спрашивали:

— Кривонос работает два-три дня в неделю, а вы табель выписываете на все шесть. Он работает два-три часа, а вы указываете пять и больше.

— Он начальство, ему видней! Что скажет, то и выписываем, — отвечали Кузнецова и Щепкина.

Табеля шли в бухгалтерию. Деньги лились в карман Максиму Яковлевичу бойким ручейком: за четыре года около тридцати тысяч.

Узнав об этом, Нина Владимировна Чепурная крепко обиделась:

— Ах так! Вон он каков! А я его еще считала светлой личностью.

Н. В. Чепурная проявила нетерпимость к хапуге. Она его строго-настроено наказала... выговором.

Не остался в стороне и Новосибирский горисполком. Вопрос вынесли на заседание. Руководил им заместитель председателя А. П. Чугуков. Как он возмущался! Разнес на все корки Максима Яковлевича за его неблагоприятные деяния. И предложил... ограничиться обсуждением.

А наш герой районного масштаба? Он по-прежнему ходит в чести и воспитывает подчиненных ему работников медицинского фронта «в духе неподкупности, преданности делу и безупречной порядочности».

М. БУРЕНКОВ

г. Новосибирск.

Рисунок И. СЕМЕНОВА.

У лунки

Судачь НЕ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Сам ушибу!

НАЧАЛОСЬ с того, что наше учреждение получило пять квартир в новом доме. Сколько шума было! Каждый рвался в этот новый дом, словно в Ноев ковчег во время потопа. Трое суток продолжались бурные дебаты, напоминавшие сессию японского парламента.

Можете себе представить выражение моего лица, когда в одно прекрасное утро профорг сообщил мне:

— Так вот, решили предоставить тебе квартиру.

У меня даже дыхание сперло. Слово сквозил сон донесся до меня голос профорга:

— Отдельная квартирка: комната, кухня, ванная и прочие удобства. На нее была уйма охотников, еле для тебя отстояли. Словом, вот ключи. Укладывай свои манатки и перебирайся.

Я взял дрожащей рукой сверкающую связку ключей и весь замлел от восторга.

— Холостяк — тоже ведь человек, ему тоже жить надо, — вставил сидевший на подоконнике инженер.

— На новоселье не забудь позвать, — бросил мне вдогонку начальник.

Переезд не доставил мне много хлопот. Одной рукой подхватил я раскладушку, другой — чемодан и пешочком перебрался на новую квартиру. Сел посреди комнаты на чемодан и озираюсь вокруг — владения свои оглядываю. А паркет блестит, точно янтарный, так и хочется рукой погладить.

Тут я предался сладостным мечтаньям. Зарыл глаза и вижу: в мою холостяцкую квартиру входит очаровательная Катрина... Какое счастье! А вот по янтарному паркету уже ребятки мал мала меньше ползают... Потянул носом — явственно слышу запах картофельных блинов...

Но вдруг мои мечты прервал резкий звонок — и в дверях появилась комиссия по распределению квартир.

— Ну и фрукт! — пробасил инженер. — Ты, никак, новоселье через год справлять собираешься?

А начальник окинул взглядом комнату и пожал плечами.

— Даже сесть негде.

— Не беда! — воскликнул профорг. — Дадим ему посуду на обзаведение — и, прищурив глаз, добавил: — Ну-ка, сообрази гостей принять.

Я вернулся из гастронома, нагруженный покупками. После полуночи мое имущество пополнилось двумя десятками пустых бутылок. На следующий вечер количество это удвоилось.

Профорг сдержал-таки слово и выхлопотал мне посуду. Продав к тому же пустые бутылки, я приобрел малогабаритную мебель и, блаженно улыбаясь, впервые растянулся на новой кушетке.

А вечером в прихожей опять затрещал звонок, и комиссия по распределению квартир в полном составе снова пожаловала ко мне.

— Ну, как дела, старина? — гаркнул инженер, бросив мне свою шляпу.

— Скучновато, небось, в одиночестве, а? — любезно осведомился профорг.

— Вот мы и пришли поразвлечь тебя картишками, — заключил начальник.

Играли до третьих петухов. Я едва успевал варить кофе.

Странное дело! Покуда у меня не была собственной квартиры, начальство и не замечало меня. А вот, поди-ка, теперь в дополнение к

квартире я обрел крепкую дружбу вышестоящих товарищей.

— Послушай-ка, — хлопает меня по плечу инженер, — сегодня получка. Может, соберемс я у тебя вечером графинчик раздавить? Знаешь ведь, нашему брату неловко по ресторанам шататься...

И «давили».

А как-то вечером ко мне явился профорг, расфранченный и надушенный.

— Знаешь что, браток, — сказал он, — я взял билет в кино, да по дороге встретил друзей, в картишки им поиграть приспичило. Так что возьми-ка шапку и сходи за меня в кино, а мы тут пока партию разыграем.

Вернувшись из кино, я, к удивлению своему, вместо игроков застал вместе с профоргом нашу бухгалтершу Винценту, которая, увидев меня, ничуть не смутилась.

— Один живете? — сказала она, подкрашивая губы. — Скучновато, должно быть?

— Да нет, скучать не приходится, — промямлил я.

— Один в таких хоромах, — не унималась гостья, — а жениться и не думает!

— Дурак он, что ли? — поглаживая ладонью реденький пушок на макушке, вставил профорг. — Или жизнь ему надоела?

Подавая даме пальто, он как бы между прочим заметил:

— Знаешь, дружок, тебе непременно теле-

фон нужен. Неплохо было бы заказать и несколько лишних ключей от квартиры. А то толкнешься к тебе и уйдешь ни с чем.

Когда провели телефон, я превратился как бы в диспетчера: согласовывал часы свиданий игроков и так далее. Не знаю, хорошо ли, худо ли выполнял я свои новые обязанности, но вскоре меня отправили в длительную командировку.

В гостинице отдаленного от центра местечка я вновь пережил несколько счастливых часов холостяцкой жизни. Кругом тишь и гладь и божья благодать. «Ах, — думал я, — если бы так было в моей квартирке!..»

Вернувшись несколько раньше срока, я понял, что без хозяина — без меня, стало быть, — жизнь в моей квартире не затихает. Своих непосредственных начальников я, правда, не застал, но зато в ванне лежал какой-то субъект в пальто. Увидев меня, он очень удивился и раздраженно спросил, какое я имею право вторгаться сюда. Извинившись, я удалился, не получив на сей раз даже билета в кино.

Однако на другое утро я осмелился вновь переступить порог своего дома. Вошел в комнату, огляделся — чуть сердце не остановилось... Не стану описывать, в каком состоянии я нашел свою квартиру.

Под вечер явился дворник и вручил мне повестку в милицию. А на следующее утро я предстал перед грозным блюстителем порядка. Как сейчас помню его четкие вопросы и свои нечленораздельные ответы.

Блюститель порядка поднялся из-за стола и покачал головой.

— Как вам не стыдно! — процедил он сквозь зубы.

— Стыдно, — простонал я, — очень стыдно... — Ступайте же! — загремел он. — Скоро вы предстанете перед судом общественности.

А по дороге со службы передо мной, как во сне, возникла благоухающая Катрина, только что вынырнувшая из дверей дамского салона. Я готов был заключить ее в свои объятия, но изящная дамская сумочка с треском коснулась моего лица.

— Прочь! — взвизгнула прелестная Катрина. — Прочь с глаз моих, картежник, развратник, негодяй!

Ощупывая горящую щеку, я долго глядел вслед быстро удаляющейся Катрине.

А вот и финал этой прискорбной истории. Я стою перед товарищеским судом. Разбор дела закончен. Читается приговор.

— «...Гражданину такому-то (тут произносится моя фамилия), бессемейному человеку, была предоставлена из нашего жилого фонда отдельная квартира. Мы рассчитывали, что он окажется достойным такого чуткого отношения к нему. Однако гражданин такой-то (тут снова называется моя фамилия) достойным не оказался. Ночи напролет в его квартире происходили азартные игры и пьяные оргии, что вызывало справедливое возмущение соседей... Этому безобразию нужно положить конец...»

Когда оглашали приговор, мой взгляд остановился на профорге, инженере и бухгалтерше Винценте. Они сидели в зале и вместе со всеми аплодировали решению суда.

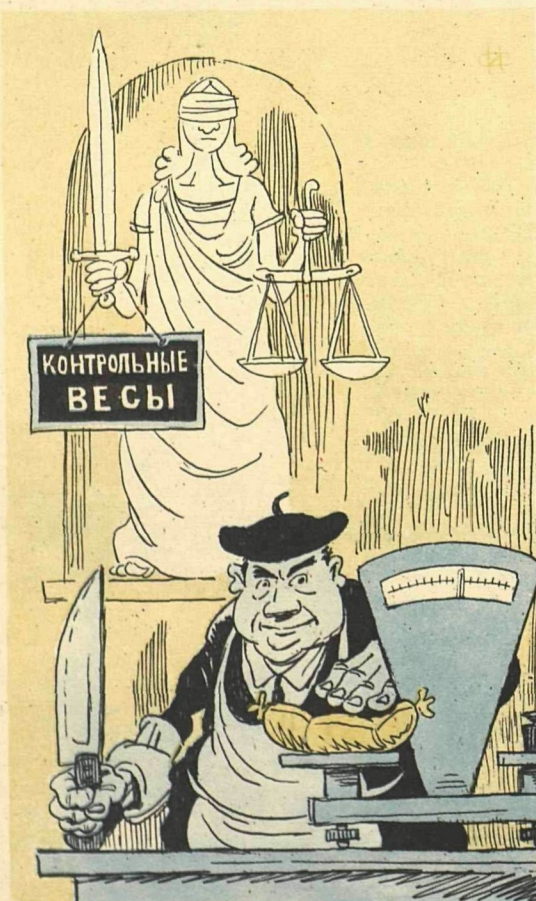
Приговор был суров, но справедлив: ходатайствовать перед надлежащими инстанциями о выселении меня из квартиры.

Только зачем выселять-то? Я и сам уйду с радостью!

Перевел с литовского С. МИХАЙЛОВ.

Из журнала «Шлуота».

Рисунок И. СЫЧЕВА.

Без слов.

Нейлоновая шубка

ПРОДОЛЖЕНИЕ
НОВЕЛЛЫ
О НЕИСТОВОМ
СПЕКУЛЯНТЕ

Евфросинья Архиповна пришла не одна, а с Федей Акундиным, прибывшим на торговые гастроли в столицу. Федя, бывший кавалер Глаши, стал здоровенным мужиком с плешиво-кудлатой головой, посаженной на бычью шею. Он исподлобья и несколько презрительно оглядел тонкую фигуру Гогоберашвили и застыл в позе зубра, что красуется на радиаторе мазовского грузовика.

Гогоберашвили! радостно встретил старую знакомую.

— Евфросинья Архиповна! Вы выглядите, как кинозвезда, выигравшая по лотерейному билету автомобиль! — восторженно начал Шалва Константинович. — Откройте мне секрет вашей нетленной молодости. Вы пьете по утрам женьшень или сделали себе подсадку кожи молодого оленя?

— Вечно вы со своими глупостями, Шалва Константинович! В ваши годы можно уже не заглядываться на дам.

— А на кого мне смотреть? Нет, я лучше полюбуюсь на такую в высшей степени интересную женщину, как вы! Кстати, сколько вы сейчас весите, Евфросинья Архиповна?

— Без малого шесть пудов.

— В переводе на метрическую систему — девяносто шесть килограммов. Неплохо! Любопытно знать: как же этот тонкий гипюр сдерживает такой вес? — Шалва Константинович деликатно приоткрылся к налитому жиром плечу гостьи.

— Уберите руки! — коротко приказала Евфросинья Архиповна.

Акундин открыл пасть и загоготал.

— Вы остались такой же недотрогой, какой были в первой пятiletке. Хм! Такая же красивая, такая же недоступная и такая же деловая женщина. Вашему мужу можно только позавидовать! — с неподдельным восхищением произнес Гогоберашвили. — Что ж, перейдем к нашим делам. Нужно, уважаемая Евфросинья Архиповна, быстро реализовать один товар.

— Это можно, — сказал Федя Акундин. — Что вы приволокли? Груши?

— Помидоры.

— Я не ослышалась? Какие помидоры? — спросила Евфросинья Архиповна.

— Обыкновенные. Те самые, которые кладут в салат, и в борщ, и в суп-пюре. Их едят жареными, ими фаршируют дичь, их сушат, маринуют, солят — мало ли что делают из отборного помидора!

— А деньги на них подшибить можно? — спросил Акундин.

Они вышли во двор. Евфросинья Архиповна заглянула в кузов грузовика. Федя Акундин продегустировал плод. На его лице появилось брезгливое выражение.

— Несортовой товар, — сказал он.

— А вы еще попробуйте! — предложил Шалва Константинович.

— Чего пробовать! Я и так вижу, что это не «Бизон», не «Грунтовый грибовский» и даже не «Алпатьев», — сказал Федя.

— Совершенно верно! «Алпатьевым» здесь не пахнет. Это же совершенно новый сорт, — не моргнув глазом, соврал Шалва Константинович. — Он называется «Краса Кахетии». По количеству каротина в плодах он занимает первое место в Европе, включая княжество Люксембург.

— Про княжество ничего не знаю, — сказал Федя. — А каротин держите при себе!

Акундин разгреб верхний слой томатов и взял несколько плодов снизу. У Шалвы Константиновича потемнело в глазах. Плоды были перезрелые, готовые вот-вот брызнуть соком.

«Обманули! Погрузили не тот товар, пока я лкал чачу! — с ужасом подумал Гогоберашвили. — Обвели, подонки, вокруг пальца!»

— Видали, Евфросинья Архиповна, что нам добрые люди подсунуть хотели?! — сказал Федя, передавая ей плоды.

— Аферист! Каторжник! Постеснялся бы своих сивых волос! — закричала Евфросинья и бросила помидоры в ноги Гогоберашвили.

Высокие договаривающиеся стороны холодно расстались. Гогоберашвили начал поспешно искать более покладистых покупателей. Несколько деловых встреч не принесли ему желанного успокоения. Базарные перекупщики гордо отворачивались от томатов. Тревога все больше закрадывалась в душу неистового спекулянта.

Скрепя сердце Шалва Константинович поехал к бывшему компаньону Ефиму Гавриловичу Шилобрееву, с которым когда-то разругался из-за дележа прибылей после операции с лавровым листом.

Бывшего компаньона он нашел на складе, заваленном мясными тушами, сырами, колбасами и фруктами.

— Ты, никак, служишь, номерки снимаешь? — несказанно удивился Гогоберашвили.

— Захмутили меня, — пожаловался Шилобреев.

— Работать заставили. Это хорошо, — насмешливо сказал Гогоберашвили. — Кто не работает, тот не ест!

— Что ж тут хорошего-с? — с надрывом спросил Шилобреев. — Продукция была бы стоящая. А то ведь — тьфу, плюнуть и растереть. Ее не укусишь и на сторону не продашь. Мышь и та ее стороной обходит!

Мясные туши, окорока, колбасы и фрукты, которые отпускал по накладным Шилобреев, были настоящие. Мастера витринной бутафории сработали их из гипса, воска и парафина. То были точные слепки, холодные, мертвые копии подлинных продуктов.

— М-да, такой товар вроде и красть незачем, — посочувствовал Гогоберашвили.

— Только душу растравляет, — чуть ли не рыдая, признался Шилобреев. — Так и тянет, так и тянет взять... а не беру. Потому как это не продукт, а — язви его душу! — муляж!

Слово «муляж» стало у Ефима Гавриловича синонимом всего дешевого, никчемного, поддельного.

Ефим Гаврилович запер склад и повесил на дверях записку, что отлучился на базу за товаром. Он повез Гогоберашвили к себе на квартиру. Дома никого не было, если не считать сына Шилобреева. Здесь они спокойно продолжили беседу.

— Говоришь, прихмутили тебя к делу? — игриво стукнул по затылку компаньона Гогоберашвили.

— Пристроили дурака!

— Живешь — горя не знаешь, — продолжал издеваться Шалва Константинович.

— Какая это жизнь? Муляж!

— Папа, не ной! — сказал, отрываясь от чертежного стола, худой парнишка в спартаковской майке.

— Сынок мой, Генка, — представил Шилобреев. — Высокосознательный!

— Идеальный, — уточнил Гогоберашвили. — Отца поправляет.

Генка повернул к ним свое лицо с глубоко посаженными глазами и подбородком решительного человека и сказал с оттенком презрения:

— Охота тебе, папа...

Яростные дискуссии на политические и морально-бытовые темы не поколебали отцовской любви. Шилобреев втайне гордился сыном.

— Учится парень, — сказал он.

— На кого? — спросил Гогоберашвили.

— Кончит — по атому работать будет.

— Специальность — ничего. За атом платить будут, — одобрил Шалва Константинович.

— Упаси бог говорить у нас про деньги! — сказал Шилобреев с комическим ужасом. — Мы за деньги не работаем!

— А за что?

— За идею!

— Папа, неужели тебе самому не надоели эти плоские остроты?

— Вот, видишь, уже схлопотал. Все! Молчу! — сказал Шилобреев.

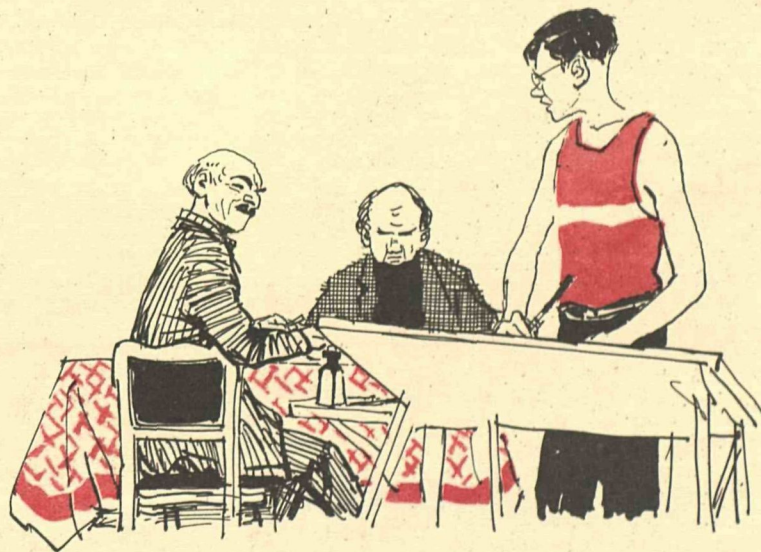
— Так вот, дело у меня есть, — начал Гогоберашвили. — Ты со своими ребятами связь держишь? Помидоры надо продать, и быстро!

— Папа этим заниматься не будет! — решительно сказал Генка.

— У вас так принято: куколка учит бабочку, икринка — взрослую рыбу? — спросил Гогоберашвили.

— Никто никого не учит. Только папа не пойдет на рынок! Он на службе! И со старым все покончено!

— Не паникуйте, молодой человек, — сказал Гогоберашвили. — Помидоры законные. Их предлагает кахетинский садовый кооператив «Персональный пенсионер». Заслуженные люди в свободное от работы над мемуарами время растили на лоне природы томаты. Что в этом плохого?

— Растили ли?

— Хотите, покажу справку?

— Знаем мы эти справки!

— Он все знает, — вздохнул Шилобреев. — Он же начальник штаба добровольной дружины.

— Общественность на страже порядка? Слыхали! — помрачнел Гогоберашвили.

— Он дружинник! Ему больше всех надо! — опять начал жаловаться Шилобреев. — Он таскает на своем горбу пьяных, отбирает у хулиганов кастеты, ловит бандитов...

— Интеллигентное занятие, — подлил масла в огонь Гогоберашвили.

— Кончится все это тем, что его пырнут ножом...

— Очень даже просто...

— Так оно и будет. Милиция нашла себе помощников. И, главное, бесплатно!

— Папа, ты опять о деньгах!

— Прислушайтесь к словам отца. Он вам добра

желает, — сказал Гогоберашвили. — А что касается томатов...

— То отец их продавать не будет! — повторил Генка. — И вам не советую. Сейчас наши дружинники проводят на рынках Москвы рейды против спекулянтов.

— По-вашему, я спекулянт?

— Несомненно! — без обиняков сказал Генка.

— Предположим. Что же вы советуете мне делать с томатами? Съесть самому три машины помидоров?

— Передайте их по твердой цене в торговую сеть.

Шалва Константинович вышел на улицу не в лучшем настроении.

«Я должен угодить в столицу в период массового рейда добровольных дружин. Мне сейчас не хватает знакомства с прокурором».

От этой мысли его даже пошатнуло. Он прислонился к фонарному столбу, закрыл глаза и прошептал:

— Спокойствие, Шалва, спокойней, дорогой! Не все еще потеряно...

Глава одиннадцатая

Бунт на корабле. Тяжелое объяснение. Прободение совести. Финал экспедиции.

В Шебалинском тупике Шалву Константиновича поджидали водители. Показания трех счетчиков перевалили за тридцать тысяч. Представители вольного племени таксистов глухо роптали. Они рвались к домашним очагам.

— Не устраивайте бунта на корабле, — сказал Гогоберашвили. — Я отпущу вас, когда придет время. Мне нужно осмыслить ситуацию!

В доме дядюшки Шота предводителя томатной экспедиции ждали дополнительные неприятности. Математика одолевала сомнения. Он пытался окольными путями узнать, не предназначены ли помидоры для спекуляции. Читашвили неделикатно намекнул, что если его догадка подтвердится, он вышвырнет своего дорогого родственника на улицу!

Два последующих дня Шалва Константинович лихорадочно искал оптового покупателя. Он не мечтал о сверхприбылях. Он лишь пытался уйти от финансового разгрома. Ночами Гогоберашвили мучили кошмары. На третью ночь он совсем лишился сна. Под утро он вышел к машинам. Шоферы спали в кабинах. Трехтактный храп разносился по двору. Счетчики дружно отсчитывали рубли. «Утро на Москве-реке», — горестно усмыльнулся Шалва Константинович. — «Симфония банкрота».

Вдруг какие-то посторонние звуки заставили

его насторожиться. Гогоберашвили вздрогнул. В его воспаленном мозгу мелькнула страшная догадка. Он присел на корточки и заглянул под машину. Догадка подтвердилась: помидор потек! Багровые капли падали на пыльный асфальт. Под грузовиками стояли лужицы. Они были окантованы крупнокалиберными мухами. Мухи нагло пиروвали.

Из флигеля вышла Хабибулина. Дворничиха была плохо настроена. Только вчера на межличном совещании дворников участковый сделал ей серьезное предупреждение насчет санитарного состояния двора.

— Это еще что за безобразие! — сразу с высокой ноты начала Хабибулина. — Мало мне своих жильцов, вроде живодеца Бадмаева, так еще со стороны наезжают. Весь двор загадили!

— Молодая, пикантная женщина — и так расстраивается! — лгисто сказал Гогоберашвили.

— Кто пикантная?! — возмутилась Хабибулина. — Думаешь, если я с метлой, то меня и обзывать можно!

— Уверю вас, вы меня не так поняли, дорогая...

— Тут и понимать нечего. Хабибулин! — закричала она. — Хабибулин! Что дрыхнешь, черт проклятый!

Из того же флигеля вышел заспанный Хабибулин, огромный мужчина в защитной рубашке навыпуск и в обрезанных валенках на босу ногу. Он молча уставился на Шалву Константиновича.

— Ты только погляди, что у нас делается! — бушевала супруга. — Наезжают тут всякие и еще обзывают. За ними ходишь, убираешь, а они обзывают. Весь двор загадили. Да я тебя, спекулянт паршивый! — Дворничиха подняла метлу.

— Бросьте размахивать своим культивентарем, — сказал Гогоберашвили. — Я уполномоченный «Кахетинминснабсбыта». Вы будете отвечать за насилые!

— Вот позову участкового, тогда узнаем, какой ты есть уполномоченный!

Встреча с участковым не входила в творческие планы Гогоберашвили.

— У вас очень нервная подруга жизни, товарищ Хабибулин, — сказал Шалва Константинович. — Зачем поднимать на заре такой крик? Если человек на меня работает, я заплачу. — И он положил в широкую, как лопата, ладонь Хабибулина десятку.

Супруг воинственной дворничихи небрежно сунул деньги в карман и, не поблагодарив Гогоберашвили, лениво поплелся домой.

Скандал во дворе подстегнул Шалву Константиновича. Он поспешил на Центральный телеграф. Ему не терпелось выяснить по телефону, нет ли томатного голода в Калуге, помидорного кризиса в Тамбове или овощного бума в Костроме.

В комнате ожидания переговорного пункта стоял вокзальный шум, перекрываемый голоса-

ми радиодикторш, рассортировывавших клиентов по кабинам.

Дикторша выкликнула:

— Гогоберашвили, третья кабина!

Шалва Константинович закрыл за собой дверь. Он поднял трубку, но тут же положил ее. Только сейчас он отчетливо понял, что ему не удастся довести помидоры до областного центра, что по дороге они превратятся в несъедобное месиво.

Он вышел на улицу. В Шебалинском тупике его поджидал разъяренный математик.

— Ты обманул меня, родственничек! — накинулся на него профессор. — Эти помидоры не для детского сада!

— Чтобы я внуков не видел, если не для детского...

— А почему ты не сдаешь их?!

— Разве я виноват? Заболел кладовщик, — устало соврал Гогоберашвили. — У него прободение слепой кишки. Он лежит в палате № 46!

— У тебя прободение совести! — взвизгнул профессор. — Я навел справки. Такого детского сада не существует. Я не позволю превращать мое жилище в перевалочную базу для спекулянтов!

— И это называется гостеприимством, — сказал Шалва Константинович. — Мы затапываем в грязь наши обычаи и наши традиции!

— Спекуляция не традиция! — отрезал профессор. — Убирайся вон!

Шалва Константинович вышел во двор. Таксисты играли в домино.

— Поехали! — сказал Гогоберашвили.

Помидорный поезд покинул Шебалинский тупик. Машины пересекли Никитские ворота и проследовали к Красной Пресне, оставляя на асфальте мокрый липкий след.

По дороге Шалва Константинович сделал еще несколько отчаянных попыток продать товар. Ему не удалось сбыть ни одного килограмма. Помидоры не покупали. От них отшатывались. Они приняли, как говорят товароведы, нетоварный вид.

Целый день таксисты колесили по столице. Под вечер обессиленный Гогоберашвили приказал сворачивать.

— Куда? — спросил шофер головной машины.

— На свалку!

Свалка была далеко за городом. Они приехали под вечер. Солнце уже садилось. Сложив руки на груди, озаряемый лучами уходящего светила, глава экспедиции наблюдал, как низвергаются на землю раскисшие томаты. Вместе с ними низвергались в грязь его мечты о помпезной свадьбе, о столе на двести кувертов и радиофицированном тамаде.

— Полный разгром! — прошептал Гогоберашвили. — Я покойник. Мне влору лежать в белых тапочках в цинковом гробу!

Продолжение следует.

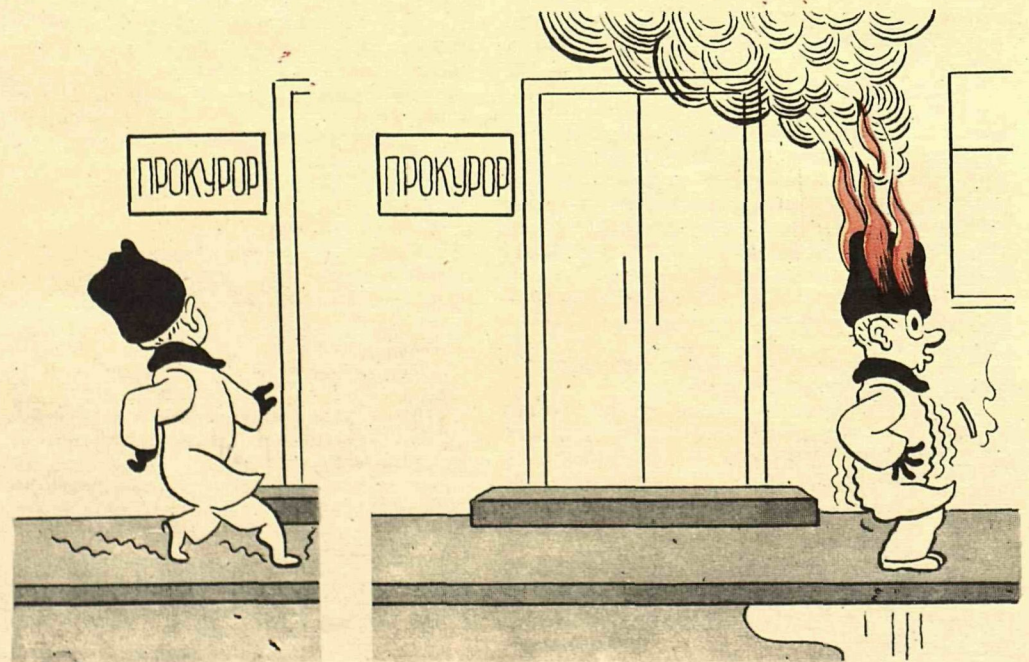
ХОРМЕЙСТЕР НА ПЕНСИИ

Рисунок М. УШАЦА.

— А теперь хором: «Взвейтесь, соколы, орла-а-ми!»

Рисунок А. ЗУБОВА.

Картинки к известной поговорке.

В этом вам не догнать Америку!

НЕДАВНО мне попала в руки книга Вэнса Пакарда, вышедшая в 1960 году. Называется она «Расточители». Автор ее, написавший еще несколько книг, — американец, тесно связанный с рекламными предприятиями США. Я считаю эту книгу одной из самых интересных и своевременных, так как в ней проводится сопоставление Советского Союза с Соединенными Штатами. Триста двадцать семь страниц насыщены потрясающими фактами. Использован обширный материал, основанный на данных торговых журналов, деятельности коммерческих организаций, потребительских союзов и на личном опыте.

Прочитав эту книгу, я решил изложить вам свои скромные взгляды на результаты соревнования между Советским Союзом и США. Пакард говорит, что продукция США постепенно истощается, разбазаривается, расточается понапрасну. Хорошим признается только «новое», а за все отвечает кредит. На публику нужно давить, вымогать у нее деньги, вводить в расходы и заставлять отказываться от старого.

Почти три месяца в году над каждой средней семьей висит угроза разорения. Многие всю свою сознательную жизнь не вылезают из долгов. Ну, спрашиваю я вас: могут ли советские люди побить такое достижение? Конечно, нет! Вам это не под силу. Однако погодите: есть в этой экономике расточительства и еще кое-что, в чем США претендуют на первое место в мире.

Прочность изделий снижается с фантастической быстротой. Фордовский автомобиль модели «А», выпущенный тридцать лет назад, используют для буксирования в утиль машин, сделанных 25 годами позднее. Это показывает, насколько первые модели лучше последних.

Испытания показали, что шины с продольным рисунком образца 1954 года проходили от 22 до 31 тысячи миль. А модели 1958 года — от 18 до 27 тысяч миль. Это можно назвать прогрессом наоборот.

Одна фирма выпускает ножи для чистки картофеля того же цвета, что и картофельная шелуха. В чем причина? А в том, что домашняя хозяйка вместе с очистками может случайно выбросить и нож. Естественно, что в будущем году продажа ножей удвоится, заявляют предприниматели. Достигли ли вы, советские люди, подобной изобретательности в своей торговле?

Один из путей создания «покупательной способности» в Америке — это поощрение культуры «нового» или «модного» перед

старым, если даже старое и превосходит новое. Их лозунг: «Что «новое», то и хорошо. Выбрасывайте старье!»

Другой путь создания покупательной способности — кредитомания. Покупайте сейчас — заплатите потом, — говорят торговцы. Они уверены, что вы никогда в жизни не развяжетесь с долгами. Очень немногие могут теперь сказать: «Это действительно мой дом, моя машина, мой холодильник», или мебель, или даже одежда, которую они носят.

Может быть, хотя бы теперь вы согласитесь, что вам этого не достичь. Как можете вы, советские люди, соперничать с таким «прогрессом»?

Конечно, всякий знает, что вы первыми запустили спутник, первыми «прилунились», первыми сфотографировали обратную сторону Луны. Но много ли это? Ведь это же пропаганда, утверждает пресса монополий. Вы увеличили в прошлом году свое производство на 10 процентов; вы приближаетесь к самому короткому в истории человечества рабочему дню; вы отменяете налоги; каждый год вы выпускаете ученых, инженеров, докторов, учителей больше, чем в любой другой стране, включая США. Но все это ничто, по заявлению ваших недругов. Все это пропаганда, и притом коммунистическая.

Американцы не любят пропаганду. Наверное, поэтому вашему громадному экономическому росту США противопоставляют свою идущую на убыль промышленность: сталелитейное производство работает на половину своей мощности. В США 5,5 миллиона безработных. Да, это, конечно, не пропаганда.

Во многих южных штатах детям негров запрещено ходить в школы вместе с белыми детьми, и это не пропаганда.

Один известный человек заметил: «Вы можете судить о стране по тому, как она относится к своим детям». Что ж, давайте посмотрим.

Вспомним последние рождественские праздники. Все дети страшно волновались, что за подарки найдут они под рождественской елкой. Некий репортер объехал ряд магазинов в Нью-Йорке и Вашингтоне, чтобы взглянуть, какие игрушки предлагают детям к рождеству.

Ребенку, у которого есть все, предлагают «игрушечный шприц для подкожного впрыскивания», как написано на этикетке.

Какой-нибудь малыш — мальчик или девочка, — проснувшись в рождественское утро, протирает сонные глазки и радостно кричит: «Спасибо, мамочка! Теперь у меня есть мой собственный шприц!» Любящий папаша, пошевелив мозгами, уже не-

Бор. Ефимов. 61.

— И служить тебе в армии Чомбел

Из иностранного юмора

ЧЕСТНАЯ РЕКЛАМА

На нью-йоркской улице мальчик — продавец газет выкрикивал: — Грандиозная афера! Пятьдесят человек обмануто! Грандиозная афера!.. Прохожий, купив газету, быстро ее просмотрел и обратился с возмущением к продавцу: — Я тут ничего не нахожу! Но мальчик уже бежал дальше, крича: — Грандиозная афера! Пятьдесят один человек обманут!..

МНОГО ЗАХОТЕЛ

Квартирант: — Это безобразие! Сегодня ночью у себя в комнате я видел бой крыс! Хозяйка: — А что вы хотите за десять долларов в неделю?! Бой быков?

ВСЕ ПРЕДУСМОТРЕНО

Для съемок битвы при Ватерлоо один голливудский кинорежиссер пригласил 25 тысяч статистов. Хозяин кинофирмы пришел в ужас. — Джо, ты меня губишь! Откуда я возьму столько долларов? Режиссер снисходительно ухмыльнулся: — Все предусмотрено, шеф. Мы будем стрелять настоящими снарядами.

ДИПЛОМАТ

Муж, сидя перед тарелкой вареного картофеля: — Дорогая, я вовсе не хочу сказать, что картошка пересолена, но мне кажется, что для этого количества соли тут слишком мало картошки...

Перевела с английского
А. Ильф.

С подлинным скверно

Характеристика на помощника машиниста железнодорожного отдела Новочеркасской ГРЭС Тиунова Николая:

«Показал себя на работе неустойчивым. Часто выпивал, дебоширил по месту жительства. На работу пьяным почти не появлялся. Но, напившись, часто отпрашивался домой с работы.»

Начальник отдела Лившиц. Председатель цехкома Новиков».

И КТО ЕГО ЗНАЕТ...

Техник-механик из Кадиевки А. Щелыкин очень любит Лермонтова. Летний отпуск он провел в Пятигорске и, разумеется, исходил вдоль и поперек все места, имеющие касательство к жизни и смерти поэта. На месте дуэли он осмотрел памятник и услышал, что таковой выполнен в стиле модерн. Затаив в душе сомнение, он попросил знатоков из газеты «Советская культура» прояснить его по сему вопросу.

Мобилизовав все свое рвение и творческую энергию, зав. отделом изобразительного искусства В. Ольшевский дал любознательному Щелыкину исчерпывающую консультацию:

«В Пятигорске никто из нас не был, памятника не видел, и потому судить о нем не можем».

В редакции «Советской культуры» никто из нас также не был и товарища Ольшевского не видел. Тем не менее судить о нем мы можем. И далеко не с лучшей стороны (в смысле трудового кипения). Во всяком случае, тов. Ольшевскому нужно незамедлительно слетать в Пятигорск или научиться пользоваться книгами.

Последнее обойдется редакции несколько дешевле.

А. Ю.

Чужими руками

По 7-й Красноармейской улице разносятся задорные звуки фанфар, бьют барабаны. Это идет колонна пионеров.

Возле дома № 25, где размещается Ленинский райсовет Ленинграда, колонна останавливается.

— Молодцы, ребята! Поработали на славу. Сбор утильсырья — дело важное, — говорит пионерам председатель исполкома Л. И. Ковригин. — Ну, а теперь можете гулять.

В кабинете председатель поднял телефонную трубку:

— Общий отдел? А где проект решения? У меня на столе? Прекрасно. Сейчас я его подпишу.

И, улыбаясь, подписал довольно интересный документ:

«Решение № 19 исполкома Ленинского районного Совета депутатов трудящихся. 8.IX. 1960 года, гор. Ленинград.

В соответствии с письмом ЛОСПО за № 686 от 6.IX. 1960 года исполком решает:

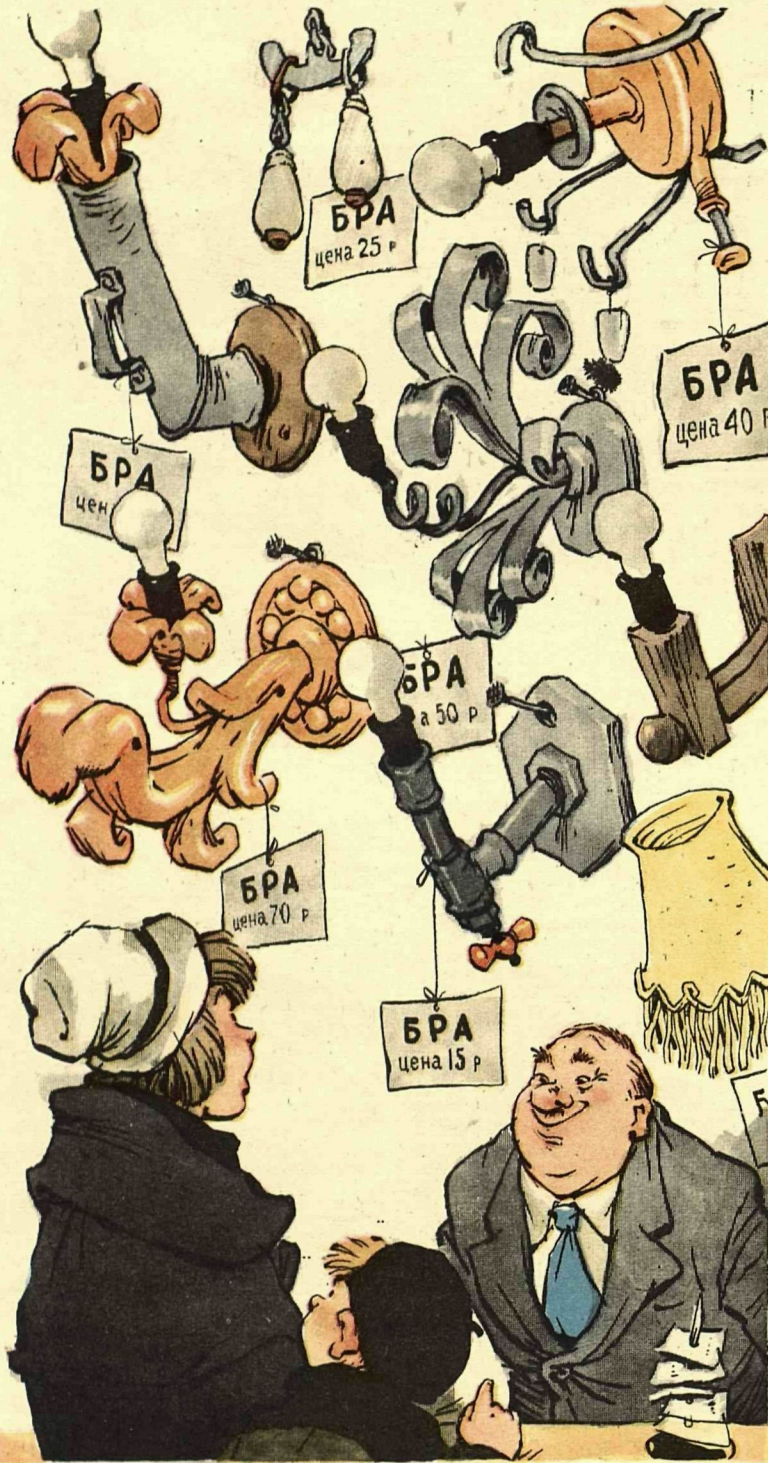
Премиировать работников районного хозяйства, принимавших участие в выполнении плана II квартала 1960 года по сбору вторичного сырья:

1. Ковригина Л. И., председателя исполкома, 400 рублями...

Председатель исполкома Ковригин Л. И.»

Как явствует из других решений и ведомостей о премированных, в заготовке утильсырья активно участвовали: заведующий общим отделом райисполкома Кашманова, бухгалтер от-

Рисунок Е. МИГУНОВА.

— Мамочка! А почему всюду недописана буква «к»!

дела Шарова, кассир Некрасова, инструктор отдела Чернышева, машинистка — стенографистка Копытина, секретарь председателя Казанская и даже шофер Фомичев, который давным-давно не работает в исполкоме.

Пальма первенства принадлежит все же экономисту райплана Чистяковой: за десять месяцев ей перепало премиальных 1450 рублей. Ой, как много надо сдать макулатуры, чтобы получить столько денег!

Но в том-то и дело, что никто из вышеперечисленных лиц ни одного грамма металла, ни одного листка бумаги в утильсырье не сдал. Тряпье и кости собирали школьники и штатные сборщики. Видимо, у тов. Ковригина свое, особое толкование понятия «разделение труда».

А. ИОНИН

г. Ленинград.

Следи за языком

Произошло нехорошее. Фотоартель имени 40-й годовщины Советской Украины (город Николаев) двинулась в поход за экономии электроэнергетики и за охрану труда электриков. Помимо чистой идеи, имелись некоторые соображения меркантильного порядка.

В результате родилась серия фотоплакатов с интригующими текстами, вроде:

«Принимайте меры к своевременному приведению в порядок электросети, что приводит к экономии электроэнергии!»

Или:

«Включение в электросеть потребителя сверх нормы может вызвать пожар!»

Или:

«Освобождая пострадавшего, не давай ему упасть!»

Или вот еще:

«При оживлении пораженного током, следи за языком!»

Хорошо, если бы николаевские фотомастера вняли последнему призыву, во всяком случае, во второй его части...

Меры, принятые молниеносно

Есть в Москве, на улице Горького огромный многоэтажный дом № 56, где заманчиво сверкает своими зеркальными витринами магазин «Пионер». И однажды жильцы этого дома воззвали к домоуправлению и к милиции:

— Каждый раз, когда в «Пионере» продают дефицитную фотобумагу и прочие редкие вещи, у нас в подъезде № 2 спекулянты устраивают форменный базар. Надо бы вести борьбу с ними! — Борьбу? Со спекулянтами? — откликнулись должностные товарищи. — Это можно. Сейчас мы ее проведем!

И они быстро, оперативно заколотили массивную дверь подъезда № 2. Теперь жильцам приходится путешествовать через черный ход, который выходит вовсе на другую сторону квартала, на 2-ю Тверскую-Ямскую. А спекулянты... Что ж, для экстренных «деловых операций» их вполне устраивает ближайший подъезд № 1. Впрочем, может, и его прихлопнут в порядке борьбы со спекулянтами!

Что нового в сатирическом цехе

«ГАРАНТИРОВАННЫЕ НЕПРИЯТНОСТИ» — совсем не то, что ждет в данном случае читателей. Это — только название новой книжки Библиотеки Крокодила. Автор ее — В. Козлов.

«НЕТУ ЖИЗНИ ТЕТКЕ ВАСИЛИНЕ». А почему? Живет не так, как положено. Подобранные в одноименном сборнике рассказов М. Лазаренко, выпущенном Станиславским областным издательством.

«АНКЕТОМАНИЯ» — болезнь, опасная для окружающих. Таков диагноз, поставленный тобиисским писателем М. Гогишвили. Учитывая его заслуги в борьбе с подобными заболеваниями, наш грузинский собрат «Нанги» включил книгу рассказов «Анкетомафия» в свою Библиотеку.

«МАРТЫНА С БАЛАЛАЙКОЙ» представил читателям в собственной библиотеке украинский коллега Крокодила — «Перець». В книге П.

Опанасенко — едкие стихи, частушки и даже маленькая комедия.

«НЕВЕЛИЧКИ БАЙКИ» — а по-русски сказать, маленькие басни — сочинил участник литературного объединения при редакции горловской газеты «Кочегарка» А. Клычков. Киевское же издательство «Молодь» довело эти байки до всеобщего сведения.

«НА ОБОЧИНЕ ДОРОГИ» примостились стар и млад — от «Деда Мороза в тюбетейке» до «Штрафного ребенка». Всех их увидел и описал ульяновский журналист Н. Малинин. А областное издательство выпустило сборник его сатирических рассказов.

«КОЛЮЧКОЙ» назвала очередной выпуск своей Библиотечки редакция журнала «Советский воин». И правильно назвала: солдатская шутка остра, цепка, занозиста.

ДЕД ПРОХОР ИДЕТ ПО СЛЕДУ

Произошло это совсем недавно. Дед Прохор Овсянников, ночной сторож первой бригады колхоза имени Ленина, Ленинградского района, Краснодарского края, оторопело моргая, выслушивал разные ругательные слова, коими осыпал его скотник Иван Денисенко.

— Раззява! Кто тебе ночью телку-то в коровнике обменял? — грозно допытывался скотник у старика. — Хорошую, стельную увели, а на ее место, — Денисенко с презрением плюнул, — кошку какую-то махонькую поставили. Судить тебя надо!

Дед еще ниже поник головой. Обидно, конечно, такие слова слышать, а ничего не попишешь. **Виноват! Не доглядел, как злоумышленник подменил телку. Ищи теперь ветра в поле...**

Вдруг в глазах его засветилась надежда.

— А все-таки я его найду, вора, — упрямо сказал старик.

— Каким же манером? — хихикнул Денисенко. — Может, собаку-сыщика пригласишь?

— Собаку не собаку, а вроде того, — загадочно отвечал дед Прохор и, взяв на поводок чужую телку, отправился в станицу.

— Ты ее носом в землю потычи! — кричал ему вслед скотник. — Чтоб след взяла лучше!

— Возьмет, не беспокойся, — хладнокровно отвечал дед, деловито постегивая телку прутиком.

Прошел дед по всей станице Крыловской. И вдруг телка рванулась и со всех ног бросилась во двор бабки Коваленко, к сараю, откуда донеслось ответное радостное мычание.

— Не забыла, умница, родной-то дом! — запричитала вышедшая во двор бабка Коваленко. — Я ж ее, голубушку, только вчера Ваньке Гуртовому продала. Убежала, должно быть, от него.

Дед — к Гуртовому. Увидев телку, тот затрясся, как осиновый лист, и заплакал.

— Каюсь, я подменил телку. Вес попутал да скотник Денисенко. Это мы с ним, окаянным, телку-то увели. И магарыч вместе распили.

Ну, конечно, получили Денисенко с Гуртовым заслуженное. А деда Прохора с тех пор стали в районе почитать как великого детектива. От клиентуры отбою нет. Говорят, даже из Краснодара приезжали с просьбой помочь распутать какое-то загадочное преступление.

Так колхозный сторож Прохор Дмитриевич Овсянников неожиданно для себя стал носителем традиций знаменитых сыщиков — от Шерлока Холмса до Нила Кручинина.

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

«Заготконтора доводит до сведения всех граждан о том, что для клеймения мяса необходимо предъявить справку о благополучии местности, иметь при себе внутренние органы, в том числе кишсырье полностью и квитанцию о сдаче кожи».

(Объявление.)

Копию сняла **Е. ПОГОЖЕВА**.

г. Смоленск.

«Все козы празднующиеся будут задерживаться комендантом завода и направляться в отделение милиции на предмет взыскания штрафа».

(Из приказа.)

Записал **В. ИЛЬИН**.

г. Горький.

«Я построил самовольно дом потому, что находился в командировке и не знал закона. К тому же у меня был заранее подготовлен лесоматериал».

(Из заявления.)

Копию снял **А. ХОЛОДКОВ**.

г. Мичуринск.

«В квартире у Моисеева действительно была разыграна семейная сцена, так как на полу были осколки разбитой посуды».

(Из заявления в прокуратуру.)

Записал **А. АДУЕВ**.

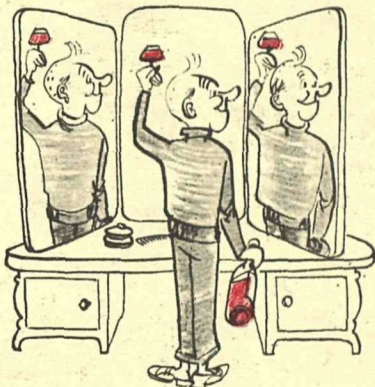
г. Москва.

Рисунок **Б. САВКОВА**.

— Откуда, парнище!
— Из дома, вестимо.
Отец выпивает, а я отвожу!

Рисунок **Б. САВКОВА**.

На троих.

Рисунок **К. ЕЛИСЕЕВА**.

— Какой у нас сегодня праздник!
Троица, что ли!

Рисунок **М. СОКОЛОВА**.

Камыши: — Опять спать не дают.

Главный редактор — **М. Г. СЕМЕНОВ**. Редакционная коллегия: **А. Н. ВАСИЛЬЕВ**, **Б. А. ЕГОРОВ** [зам. главного редактора], **Д. И. ЗАСЛАВСКИЙ**, **КУКРЫНИКСЫ** [**М. В. КУПРИЯНОВ**, **П. Н. КРЫЛОВ**, **Н. А. СОКОЛОВ**], **С. Д. НАРИНЬЯНИ**, **А. Н. РЕМЕЗОВ** [ответственный секретарь], **И. М. СЕМЕНОВ**, **С. В. СМЕРНОВ**.

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА».

Адрес редакции: Москва, Д-47, 1-я улица Ямского поля, 28. Тел. Д 3-31-37.

Издательство «Правда».

А 01247.

Изд. № 554. Подписано к печати 9/III 1961 г.

Формат бум. 70x108^{1/2}. Заказ № 697. Тираж 1 500 000 экз. 1 бум. л. — 2,74 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

12

18 МАР 1961

- 94462

Рисунок А. КАНЕВСКОГО.

Всесоюзная
Книжная палата
контрол. экзэмпл.
1961 г.

БИТАЯ КАРТА КОЛОНИАЛИСТОВ.

К.